

Д. Е. Прокудин, Е. Г. Соколов

«ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА» VS «АНАЛОГОВАЯ КУЛЬТУРА»

«Цифровая культура» («оцифрованная культура», «цифровая кодировка культурной наличности», «цифровая кодификация/унификация» и пр. сходные вербальные маркировки, так или иначе отсылающие к предзаданной на «синтагматическом уровне» цифре, выполняющей функцию своеобразного «архэ», того разрастающегося сегмента реальности, с коим мы всё чаще сталкиваемся отнюдь не только в умоглядных ландшафтах) представляет собой явление новое, а потому и диковинное во всех отношениях и призывающее к очень аккуратному прикосновению — мыслью, словом, действием, тем паче — вердиктом. Едва ли возможно сегодня в полной мере и с исчерпывающей убедительностью предложить более или менее исчерпывающую интерпретацию тех процессов, что происходят на наших глазах, просачиваясь в привычки повседневности. Судить и оценивать современность — дело неблагодарное и рискованное: слишком велик риск ошибиться и быть опровергнутым новациями завтрашнего дня. И тем не менее. Коли не начинать разговор, так ведь он и не состоится вовсе. Делать же вид, что ничего существенного не происходит, что всё утрясется и вернется «на круги своя», а потому ни к чему и разминиваться мыслью на прихоть текущего дня (притулившись на философических ступеньках — к коим и себя причисляем — вроде как, должны вопрошать к вечному да фундаментальному, сверять всё с онтологической разметкой) — по меньшей мере нелепо, а то и вообще глупо. Существенное происходит. Еще как происходит. И с реальностью, и с ее восприятием, и уж тем паче с культурой. Посему осмелимся высказать свои соображения, оперируя тем дефиниционным и смысловым инструментарием, что едва ли может безапелляционно претендовать на легитимность и общепризнанность.

Итак, аналоговая культура. Под таковой будем понимать тот вариант привычного нам режима репрезентации, в основе которого лежит пафос (а также, кстати, и эстезис) соотношения «ядра» и «периферии». В другой вербальной формулировке: «исток» и «исходящее из него», условно говоря — «эманация». Или, если воспользоваться уж совсем крамольным в пределах гуманитарного знания обозначением, — «благодать» и «истечение». Вероятно — не будем отвечать за всю культуру всех народов, ограничившись лишь европейской традицией представления, — первая, фундаментальная и задающая весь резонатор процедур, скажем так, бинария и являлась тем «условием возможности», на котором могло сформироваться совокупное «культурное тело». Исток, ядро, центр — это то, что «держало» весь ансамбль, выступая его структурообразующим принципом, а потому и выполняло функцию принципа. Приближенность или, наоборот, отдаленность от этой основополагающей точки определяли «качество» и «аксиологический разряд». Таким образом —

Прокудин Дмитрий Евгеньевич — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: Hogben.young@gmail.com

Соколов Евгений Георгиевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: egslov@gmail.com

худо ли, бедно ли — выстраивалась вся архитектура культурного пространства с ее векторами, позитивностями, тяготениями и предназначениями. В подобных условиях и могла выкристаллизоваться чисто прагматическая максима, обозначенная Ж. Батаем как проект (проективная модель). Вольно или невольно, сознательно или несознательно непрерывное, почти автоматическое соизмерение или соотнесение с «ядром», обладающим исчерпывающим набором позитивных аппликаций, всякого артефакта или, в аристотелевском смысле, вещи выполняло двойную функцию. «Вещь» встраивалась в единую контекстуальность, определялась иерархически и, соответственно, символизировалась, что определяло ее — в том числе и реальное — место и, в не меньшей мере очерчивало соответствующий ей эйдетический горизонт. А это, в свою очередь, задавало варианты ее, «вещи», циркуляции и утилизации. Непосредственная или опосредованная «приложенность», приобщенность — через дискурсивные ритуалы «тайнства» — к Единому и Совершенному (в платиновском смысле) благодаря, условно говоря, «конкретной доле» (поддающейся кодифицированному исчислению со времен «Сумм» святого Фомы) участия или соотнесенности, присутствию этой «крохи благодати» определяла и качество, и количество допускаемого. Или обеспечивала своего рода код доступа. Это — с одной стороны. Но, что едва ли менее значимо, в каждой такой процедуре аксиологической экспертизы наличности, ценной самой по себе, в качестве «незримо присутствующего» всегда прозревался и сам исток, само ядро, сам центр — судящая, эталонная, основополагающая инстанция. А посему, сколь бы дискретным ни был весь культурный ансамбль, на какие бы мини-структуры не дробился, как бы ни сегментировался и ни гомогенизировался, — всё равно сохранялась некая устойчивость (или, что в принципе то же самое, видимость-ощущение таковой). Пусть голос певца, звучащий из отвратительного громкоговорителя на народных гуляньях, и отстоит на великое множество шагов от того, что когда-то исходил из реального человека, даже уже умершего, — мы всегда можем проследить эту цепочку «рукоположений», непосредственных актов соприкосновения, сопричастности — конечно же, мистической — с тем Великим, что было. И голос его будет звучать во веки веков, прорываясь сквозь шершавость и несовершенство медиумов — передаточных узлов. А значит — не померкнет, не источится и не исчезнет окончательно. При этом совершенно не имеет значения, какая именно фигура в конкретных обстоятельствах выступает в качестве «ядра»: Бог, человек, институция, идея, даже и дискурс как таковой, — иерархия как механизм или как инструмент воспроизводилась, сценарий даже и в отсутствие «внятной фигуры» действовал. «Ситуация/состояние модерна» тому яркое подтверждение: скинутый с пьедестала величия, заклеянный и опозоренный Бог всё равно продолжал осуществлять весьма значимые в культурном отношении практики и запускать впечатляющие проекты, среди коих в первом ряду стоят наука, искусство, гражданское общество.

Безусловно, то, что случилось 30–40 лет тому назад, когда цифра — «цифровая культура» — стала набирать обороты и потихонечку вытеснять аналоговую схему на задворки, случилось не в одночасье, но подспудно — как вариант или полупараллель к магистрали — вызревало гораздо дольше, по крайней мере, на протяжении нескольких веков. Модерн — это триумф наррации, безраздельное главенство метанарраций или проекта. Однако любой триумф таит в себе зародыш конца. Уметь бы его только разглядеть! Разгул позитивистики ориентированного

культурного проектирования, по сути дела, означал агонию «аналоговой культуры». Ибо... Индустриальный взрыв, индустриальный рывок, индустриализация как таковая, как мы хорошо знаем, невозможны без существенного обновления технологического инструментария. Но сама по себе замена лопаты комбайном автоматически не ведет к смене «культурной парадигмы», к изменению архитектоники. Прекрасным свидетельством тому является опыт СССР, где индустриализация не привела к смене репрезентации: культурное ядро продолжало функционировать, определяя общий ландшафт, в том числе и мыслительно-смысловой. Проект в виде «сформулированной цели» прекрасно работал и на макроуровне (государственного устройства), и на микроуровнях (повседневности), причем как в легитимном модусе (официальный ракурс), так и, в не меньшей степени, в открыто и декларативно нелегитимном (вечно соседствующая альтернатива бурлящего неистового диссидентства). В обоих случаях схематика одна и та же: исток-центр-ядро (по-разному декорированное) выбрасывает и распределяет наличность, тем самым удерживая общую конфигурацию. Если же взглянуть в толщу веков, то можно уверенно назвать и великих предтеч «цифровой культуры». Это те же самые «Суммы» Фомы Аквинского (пусть и строго иерархизированные, но всё же с жесткой кластеризацией), книгопечатание с его сегментацией и гомогенизацией реальности (способами ее фиксирования, ставшими впоследствии чуть ли не нормативом явления сущего), концепты человека-машины и общества-машины, музей, практики фиксации наличности, сомнительные с точки зрения благодати-центра-ядра (то, что со времен художественного модерна тяготело к ликвидации антитезы копия — оригинал) — магнитная лента, фотография, киноплёнка. Да, декларативно за каждым жестом вроде бы стоял суверенный субъект — Делатель (всегда находящийся под опекой Творца), но вот что касается «реальности», т. е. явленности и представленности, то ситуация очень двусмысленная. Суверенность и автономность речения (записи арии, кинофильма, фотографии) с самого начала распадалась на множество отдельных сегментов, соединенных отнюдь не скрепой и ритуалом «мистического таинства», но, напротив — очень даже мистифицированного. Мы далеки от того, чтобы к этим и ко множеству иных «открытий» в биологии, психологии, физике, химии и других позитивных науках, равно как и к распространению структуралистски ориентированных моделей, которые сами по себе зиждутся на допущении метапринципа, постулата, даже если он и маркируется в виде «точки зеро» или «пустоты», свести «сдвиг», переход на другой режим функционирования. Отнюдь! Технологизация, инвестирование новомодных инструментальных приемов не ведут к автоматической ликвидации «ядра» и смене «культурных парадигм» даже в условиях информационного общества, доказательством чему служат и современный Китай, и современная Индия, и уж тем более мусульманский мир, с успехом перенимающие европейские навыки манипуляции реальностью. Бог умирает не потому, что его свергают восставшие против его произвола люди, возмнившие себя богоравными. И тотальная, глумливая, разнузданная атеизация вряд ли способна существенно повредить его силе и репутации, чему примером может служить и французское Просвещение, и советский напор. Он, Бог, может сменить лик, образ, вырядиться какой-нибудь иной патетической фигурой (например — счастьем человечества, концом истории, равенством, общечеловеческими ценностями глобального общества и пр.), но всё равно определять технологию производства культурной наличности — а значит, и сохраняться. Бог умирает тогда, когда о нём...

забывают. Не сражаются, не борются, не восстают — всякий конр-акт лишь демонстрирует необходимость его, Бога, присутствия, без коего невозможна культурная круговерть. Но именно тогда, когда Он уже никак не участвует, каждодневно или эпизодически, в тех процедурах, на коих сосредоточены внимание и забота, необходимость в Нём отпадает. Он уже не является центром ни позитивной, ни негативной интриги и... Бог оставляет землю. В этом, казалось бы, нет ничего катастрофического, если бы не одно обстоятельство: сразу после смерти Бога умирает и человек. Пресловутый «антропологический поворот в философии XX века» есть лишь попытка, довольно жалкая и беспомощная, спасти человека: человек исчез гораздо быстрее, чем его Патрон, поворачиваться-то уже не к кому. Да и весь культурный ансамбль начинает рассыпаться с бешеной скоростью. Что же осталось?

Разумеется, и люди продолжают ходить по планете, и окружающий их культурный мир не грохнулся в тартарары разом и навсегда! Однако организация и наладка где-то с середины XX в. происходили уже по другому сценарию. Ядро-центр вроде бы директивно никто не упразднил. Во всяком случае, высокопарные и патетические воззвания облагодетельствовать мир звучат непрерывно. Только функционирование — и выстраивание — происходит уже вне привычной оппозиционной разметки, но посредством выстраивания локальных серий. Они-то и притягивают всё внимание. Фрагменты, сегменты, дискретные составляющие уже не удерживаются в равновесии и иерархической взаимосвязи-взаимозависимости друг с другом неким метапринципом (ядром), но сосуществуют более или менее автономно. Или, говоря точнее, между ними налаживаются — каждый раз разные — партнерские отношения. Информационная культура, культура информационного сообщества оперирует именно такими разрозненными ситуациями и обстоятельствами. Ну а технология замыкается сама на себя, превращаясь из инструмента-механизма в феномен культуры, ценный своим существованием — отсюда и мода на различные «гаджеты», ценность обладания коими затмевает смысл их инструментального назначения. Вероятно, имеет смысл говорить — с осторожностью, не настаивая и не упорствуя — о перекодировке всего культурного ландшафта, или точнее — о смене «фокуса зрения» и, как следствие, отношения к самой предметности, равно как и к инструментально-технологическому сопровождению. То, что совокупное культурное тело всегда — феноменологически — рассыпалось на множество составляющих и с большим трудом собиралось в некое совокупное целое, — не такая уж и новость. На это обратили внимание начиная с первых же культурфилософских штудий. Декретные теоретические уложения вроде Духа, Гештальта, Сквозного Единства, Символа и пр. — тому подтверждение. Да и коммуникация с информацией не в XX столетии появились. Тем не менее следует говорить о том, что с середины прошлого столетия именно коммуникативно-информационные составляющие перешли из разряда подручных средств в категорию методически-стратегического фундамента и стали выполнять функцию онтологического фундамента. На словах, но и не в меньшей степени — на деле.

На первый взгляд, это замечательно, что благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям огромное множество людей может осваивать и, извините, «потреблять» безбрежные культурные поля разных народов и эпох без особых хлопот и напряжения, а сам «инструментарий» (в кавычках потому, что он уже не является, как сказано выше, только подручным средством прикладного

характера), чрезвычайно расширившийся, проник едва ли не во все сферы жизни, облегчая труд и разнообразя отдых. Всё так — если бы не последствия, которые могут одновременно и напугать, и позабавить. Прежде всего это касается человека, концепции и сценариев его монтажа. «Человек в процессе», удерживаемый в своем единстве неким паттернальным принципом даже и в эпоху биологически-психологической дискредитации его целостности, откровенно и, надо сказать, с радостью переходит в ситуацию «мигрирующего кластера». По сути дела, мы можем наблюдать множественность сосуществующих равнозначно и чаще всего параллельно кластеров, представленных на «одном носителе» — теле конкретного человека. В зависимости от разворачивающихся ситуаций, через которые пролегает жизненная траектория такого «носителя», извлекается требуемый кластер (лик, образ, поведение и пр.). Или — монтируется заново. Проект как таковой уже не принимается во внимание или присутствует в виде отлученного от «носителя» сугубо риторического, никак с ним не связанного, а потому и абсолютно фиктивного алиби. Аналогичные тенденции можно наблюдать и в культурном пространстве, т. е. в пространстве жизни человека. Невыкликаемое при всякой случайности «ядро» если и продолжает где-то и как-то метафорически присутствовать, по сути дела, уже устранено от монтажа наличности как таковой. Восприятие и освоение культурных пространств уже не требуют усвоения соответствующего культурного кода, но происходят в режиме «погружения/поглощения декораций». Клип-культура — это не метафора и не бравый журналистский лозунг, но точное обозначение сложившейся ситуации. При этом искажения неизбежны, они программируются самим сценарием. Дело в том, что любой фрагмент «аналоговой культуры» определяется в своей подлинности лишь при соотнесении с истоком. Отпад от него, будучи изъят из обстоятельств контекста, поддерживающих его и им же поддерживаемых, он становится пустым, никаким, чистой поверхностью, с которой можно делать всё что угодно, наделяя любым смыслом, навязывая любые речения. Семиотика прекрасно продемонстрировала, как это происходит. Но и до семиотических штудий такое «уничтожение предмета в его подлинности» (при видимом сохранении контурной наличности) уже многократно происходило на практике в художественной и музейной сферах. Вроде бы всё на месте, ничего не откалывается и не вырезается, но предмет «таинственным образом» исчезает: перекодируется, изымается прежняя смысловая составляющая и заменяется новой. То же самое и в случае с масштабными культурными полями. Сегменты, фрагменты, осваиваемые и потребляемые кластеры сопрягаются друг с другом исходя из нормативов коммуникативного канала, форматируются соответствующим образом, условно говоря — разрезаются на куски, ну а дальше функционируют каждый сам по себе. Чисто линейная целесообразность поверхности-среды, естественно, не может притязать — хотя временами и пытается — на положение ядра-истока-фундамента. Точнее говоря, такая онтологизация коммуникативно-информационного инструментария фиктивна и не может ни породить сквозное единство, ни наладить неразрывную подлинность связи между фрагментами. Возможно, следует говорить и о ликвидации символического порядка или о его замене порядком вещей как таковых. Мультипликация реальности сама по себе вроде бы не таит опасности — если бы не происходящая параллельно ей мультипликация сознания. Если же вхождение в пространство культуры происходит посредством таких коммуникативных стратегий, ориентированных исключительно на фиксацию фрагментов

поверхности без воспроизведения смыслового ядра (а это происходит, повсеместно и целенаправленно), то, по сути дела, неминуемо наступает срыв, прерывание, отлучение и от истории, и от традиции, и от культурного кода. Что уже небезобидно, ибо трансляция и культуросбережение если и не ликвидируются полностью, то затрудняются, а даже и дошедшие разрозненные впечатления, сохраняя «подлинность вида», неминуемо приводят к искажениям. «Цифра» образует вокруг «ядра» целый сонм культурных полей, которые в силу глобальности использования и массовой доступности всё чаще заменяют точки входа в пространство культуры, дробя восприятие. При этом зачастую сознание уже и не пытается проникнуть через них в это самое «ядро» и воспринять и принять его смыслы, вполне удовлетворяя свои культурные и духовные потребности переизбытком фрагментарных цифровых «фантомов», разрозненных культурных реплик.

Свидетельств тому можно привести великое множество. Например, классические библиотеки переводят свои каталоги в электронный вид с сетевым доступом (зачастую через общедоступный Интернет, да еще и с возможностью онлайн-заказа на выдачу книг). Вроде бы эти технологии облегчают и ускоряют поиск. Но... Выдаваемые результаты содержат только те источники, которые соответствуют заданному в поисковом запросе шаблону, но не смысловому его значению. За пределами семантической ограниченности поискового механизма, построенного по принципу механического сравнения-сличения, остается достаточно большое количество релевантной информации, которая, быть может, не утаилась бы при бережном кропотливом переборе карточек пальцами страждущего знаний. Что это, как не яркий случай проявления вырванности из контекста, смысловой ограниченности, фрагментарности изъятия из ядра?

Современный компьютер предоставляет восприятию множество одновременно действующих информационных каналов, переключение между которыми происходит в один «клик». Такая мультиплексность информационных потоков нарушает целостность восприятия как объектов культуры, так и культурных событий. А возможность доставки контента по требованию только увеличивает фрагментарность, мозаичность, «клиповость» восприятия и осколочность формирования индивидуальной культуры.

Как пафос, так и механизм действия «оцифровки» в общем и целом понятны. На уровне деклараций и воззваний: приобщить как можно больше людей, преодолеть преграды, сделать доступным для миллионов. Однако это лишь благие пожелания: ни более свободными, ни более счастливыми такая культура сама по себе людей не сделает; даже и с богатством возникают проблемы. И дело даже не в переизбытке получаемой нынче человеком информации, о чём так много говорят и пишут. Лукавят. Никакого переизбытка нет, во всяком случае — не более, чем в ушедшие не такие уже и стародавние доинформационные времена. Человек ограничен, соответственно, ограничены и его возможности в части получения информации. Все сигналы, доходящие до нас из окружающего мира, так или иначе, теми или иными механизмами фильтруются; отражаются, доводятся «до сознания» лишь некоторые из них. Изменение концепта информации тут не имеет значения. Гораздо важнее, что получаемая — строго определенная — информация по большей части «проходит сквозь», существует лишь «на поверхности смысла», не только не усваивается, т. е. встраивается в общую структуру (каковой уже и нет вовсе), но и не предполагает «осадка», не

годится для процедур символизации. Цифра — понимается, метафора. Причем для европейской традиции весьма симптоматическая. Напомним, что первым, кто придал мистический смысл цифре, был Пифагор, числящийся среди «великих посвященных». Пифагор был древним греком, а потому цифра не являлась для него абсолютной, исключительной и автономной номинацией, лишенной космически-логического фундамента. Но для нас-то она, цифра, именно таковой — пустой и при этом универсальной — и является. Она преподается в качестве основы целенаправленно глобализируемого социума, переводится в ценностный разряд и наделяется всеми потребительскими атрибутами — с тем чтобы «подсадить» на нее всех и каждого, поработить сознание и сделать единственным источником сакральной мудрости. Для поколений, взращенных в цифровом виртуальном пространстве, Интернет со всеми его википедиями, блогами, социальными сетями, новостными каналами и т. д. и т. п. выступает истиной в последней инстанции — к нему апеллируют, им прикрывают свою культурную наготу, он является скорлупой духовной пустоты и коммуникативной никчемности. Впрочем, думается, что это не совсем справедливо, ибо порожденные под эгидой-покровительством цифры виртуальные пространства очень даже реальны и отнологически вполне убедительно фундированы. Этого нельзя не признать. Процедура же перекодировки культурных артефактов не слишком замысловата, хотя чисто технологически может быть чрезвычайно усложненной и разветвленной. Условно говоря, берется тот или иной факт, фрагмент, фигура, разрезается на сегменты (или отсекается от соседних), «загоняется» в кластер, транслируется, доходит до респондента в виде отдельного сегмента некоей информационной серии, ну и дальше «монтируется» на месте, т. е. в конкретных обстоятельствах, в соседстве с чуждыми, чаще всего инокультурными фрагментами. Монтаж осуществляется при каждом восприятии, и всякий раз по-разному. Цифровая эквивалентность в общем и целом не отличается от любых иных способов отыскать некие эталонные способы фиксации многообразия культурного мира, такие как алфавит, печатная книга, грамматика, наконец — деньги, которые также при определенных условиях становятся самостоятельными и обладающими безусловной ценностью культурными полями. Информационно-коммуникативные цепочки также способны породить и порождают новые пространства, привлекательные и заманчивые: вон ведь сколько людей всерьез «подсело» на компы-гаджеты-девайсы-штуковины. Отличие же от алфавита и музейных экспонатов состоит в том, что эти новые культурные поля формируются уже без санкций Высшей инстанции, находятся с самого начала вне юрисдикции центра-ядра. Они автономно-нейтральны, по букве и по понятию, ибо в оборот, как дискурсивный так и процессуальный, входят в качестве «только» инструментария. В том-то весь и фокус. Поскольку эти технологии легитимируются в культуре исключительно в качестве инструментального набора, они, вроде как, и не нуждаются в «привязке» к ядру, находятся вроде бы вне компетенций «источка», центра. И несмотря на то, что они достаточно быстро обретают автономность и даже, как уже было сказано, посягают на онтологический статус, всё произведенное этими технологиями также существует вне компетенции культурного ядра.

Что же происходит с самим ядром-источком? Да ничего с ним особенного не происходит. Точнее, происходит то же самое, что и с Богом после того, как устами Ницше была провозглашена его смерть. Можно предположить, что оно, ядро культуры, постепенно станет изолированным, отлученным от артефактов (а они, соответствен-

но — от него), замкнется в себе самом, а если и будет наличествовать, то лишь в форме пустого и ничего не значащего воззвания — риторической фигуры политически-идеологического дискурса. Может быть, в конечном счете последуют и стагнация, и разрушение, разрыв связи с предшествующими поколениями и культурами, а «защитный пояс» культуры (носители традиции, которая может передаваться только через прямое соприкосновение и истечения из рук в руки «благодати») будет принимать всё меньшее участие в трансляции культурного кода. Да и транслировать-то уже будет нечего, ибо код будет так или иначе заменен операцией, контуры, регламенты, режимы и прагматическую стратегию развития которой станет — если уже не стал — определять «компетентный» наладчик, знающий, как функционирует данное звено, но имеющий весьма приблизительные представления об устройстве культурного мира. Или вот ещё один четко просматривающийся сценарий развития: в таких условиях ядро культуры станет само дробиться на отдельные фрагменты-практики, к которым будут обращаться «по мере необходимости», в соответствии с декларируемыми в данный конкретный момент времени потребностями. И тогда судьба этого ядра — нарядиться и стать конкретным модным «трендом» или «брендом», а совокупный жизненный проект станет распадаться на циклы и определяться маркетинговым интересом той или иной корпорации.

В этих условиях может стать, что и смена поколений приведет к доминированию новых смыслов, определяемых всеобщей вовлеченностью в культурные поля, порожденные информационной эпохой. А наблюдаемое ныне постоянное революционное развитие информационно-коммуникационных технологий, приводящее к смене одних технологических решений другими, является решающим фактором возникновения точек бифуркации, определяющих неустойчивое состояние этих полей. Что в итоге может привести к дальнейшей дискретизации культуры и фрагментаризации ее восприятия.

Невеселая картинка получается! Но в утешение себе вспомним: аналоговая культура никуда не исчезла, и говорить о том, что она полностью или в большинстве случаев вытеснена цифровой, по меньшей мере, неверно. И вот почему. Жизнь, как говорил родоначальник научного коммунизма А. К. Бельх, — она богаче. Мир огромен. Большинство, если не подавляющее большинство населения земного шара как жило, так и продолжает жить в обстоятельствах и по регламентам как раз аналоговой культуры. В это число можно включить и старшие поколения, культурно сформировавшиеся вне «цифры»; и население стран, чья культура развивается не по западноевропейской модели; и жителей сельской местности, чей жизненный уклад есть продукт аналоговой культуры¹. Ядро, исток, Благодать, Бог — вчерашний день только для европейцев, да и то далеко не для всех. Вне новоевропейского культурного ареала находится очень много самых разных культурных опытов и традиций. Да и степень вовлеченности в самое массовое и доступное технологическое пространство — Интернет — в масштабах планеты пока что невелика². Есть и еще один «нюанс», внушающий оптимизм: европейцы не спешат размножаться, а ме-

---

¹ По представленным в 2008 г. данным ООН, в 1990 г. доля сельских жителей в развитых странах составляла 28%, в развивающихся странах — 65%. По прогнозам аналитиков института *IBM Institute for Business Value*, к 2020 г. эти цифры могут составить 12% и 49% соответственно [1].

² По данным *Miniwatts Marketing Group* за 2012 г., свыше 4,6 млрд жителей земного шара не имеют возможности доступа к сети Интернет [2].

ста под европейским солнцем занимают выходцы с других континентов, которые, разумеется, активно и с удовольствием приобщаются к технологическим новаторам, но относятся к ним, мягко говоря, своеобразно. А может быть, именно так, как и нужно: только как к инструментам, пустым «емкостям», которые можно использовать в свете собственных представлений. Ведь нет же ничего плохого, например, в том, чтобы в ванне солить огурцы! Еще раз напомним заповедь г-на Хантингтона: информатизация-технологизация не ведет к вестернизации. Что применительно к теме нынешнего разговора означает: цифра, цифровые технологии, опыт и навык сегментации, тотальная кластеризация и автономизация отдельных структур сами по себе не ведут к цифровой культуре. Последняя может развиваться, а может и не возникнуть. Предпосылки не жестко определяют будущее: у разных болезней может быть одна и та же симптоматика. Ни компьютер, ни самые-разсамые новейшие технологии хранения и трансляции информации отнюдь не мешают верить в Бога, конец света, в приход Мессии или инопланетян или общаться с духами предков. Тем более что само бытие человеческое, его природа и окружающий нас мир, который намного объемней технологизированной и информатизированной ноосферы, по сути своей — аналоговые.

Литература

1. World population prospects: The 2008 revision / Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat. New York, 2009.
2. Internet World Stats: [website]. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 05.05.2013).

Статья поступила в редакцию 22 апреля 2013 г.